

УДК 130.2
ББК 71.1

*Береснева Жанна Александровна,
старший преподаватель кафедры теории и истории культуры,
ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры»,
Хибинский проезд, д. 6, 129337 Москва, Российская Федерация
E-mail: zhanna-beresneva@yandex.ru*

КУЛЬТУРФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ XVIII – НАЧАЛА XX вв.

Аннотация: Цель статьи — показать, что произведения русской литературы путешествий XVIII – начала XX вв. являются не только художественными и историческими памятниками, но и одной из составляющих наследия отечественной культурфилософской мысли. Рассмотрев историко-культурную проблематику русского литературного путешествия на разных этапах, автор выделил и охарактеризовал его культурологические компоненты. Классические образцы этого жанра отражают модель описания культуры своего времени и показывают становление культурологической мысли в России. На примере анализа путевой прозы Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, А. Н. Муравьева, И. А. Гончарова раскрываются характерные особенности культуры эпохи, к которой принадлежали авторы, осмыслиются современные им культурфилософские проблемы. Категории культуры чаще всего отражены в литературном путешествии как символические образы, исследованием и интерпретацией которых и занимается автор статьи. Путевые заметки А. Белого завершают границы исследования автора, поскольку представляют собой творчески сконструированную и осмысленную концепцию культуры, в которой немаловажную роль играет типология, выраженная в цветовой и звуковой рефлексии. Глубочайшие противоречия современной ему культуры стали для него толчком к осмыслению культуры как таковой. Его путешествия внесли неоценимый вклад в формирование культурологического знания в России. Формирование знания о культуре происходило в России на фоне литературных исканий, и русское литературное путешествие XVIII – начала XX вв. отражает эту специфику, оно стало лабораторией для апробации историко-культурных и философских идей своего времени и должно быть оценено по достоинству.

Ключевые слова: философия культуры, литература путешествий, категории культуры, культурная парадигма, цивилизация, просвещение, символы культуры, модель культуры, пространство культуры, национальные черты, Восток и Запад, культуролог.

Природа культурных процессов, происходящих в России в конце XVIII – начале XX вв., благодаря которым собственно и стало возможно рождение культурологии, приводит нас к осмыслению путевой прозы в рамках этого периода.

© Береснева Ж. А., 2014

Богатейшие материалы литературы «путешествий» как источник истории отечественной культурологии до сих пор не рассматривались, хотя путевые заметки даже на самых ранних этапах развития данного жанра не только несли информацию о событиях, странах, культурах и людях, но в лучших своих образцах давали концептуальное осмысление общих проблем культуры, формировали категориальный аппарат будущей специальной дисциплины, разрабатывали и апробировали методы анализа, фиксировали результаты наблюдений и философских заключений — словом, являли собой прообраз, предтечу историко-культурного и философского исследования.

Классические образцы этого жанра: «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» А. С. Пушкина, «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьёва, «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова — отражают динамику изменений в истории русской литературы, но являются определёнными вехами в эволюции идей о культуре. В этих произведениях мы видим пример не только историко-культурного исследования, они стали своеобразной лабораторией для апробации терминологического арсенала культурфилософской мысли в России.

В этом ряду должны стоять и «Путевые заметки: Сицилия и Тунис» А. Белого, которые, в отличие от классических произведений этого жанра, вообще не привлекали должного внимания исследователей: специальных работ, посвящённых заметкам Белого-путешественника, практически нет. Исключение составляет исследователь русского символизма Л. А. Сугай, указывающая на первенство Белого в теоретическом осмыслении культурологии как самостоятельной дисциплины (причём анализ сделан именно на «Путевых записках...» Андрея Белого) [12, с. 30–50; 11, с. 8–7]. Ведь именно здесь он впервые в России определил задачи *культуролога* и философа культуры.

Литературное путешествие по своей сути — жанр синкретический, сочетающий в себе разнообразные литературные приёмы, элементы различных жанровых образований и авторского художественного замысла, — стало примером как научно-философского (рационально-логического), так и художественного (эмоционально-чувственного) познания мира. Субъективный характер путевой прозы, его особая «повествовательность» и «лёгкость» восприятия характеризуют его как нарративный (профанный) текст. В рамках такого текста путешествие становится лишь способом интерпретации действительности, только на первый взгляд не претендующий на статус серьёзного аналитического занятия. Однако всё многообразие культурных эпох и стилевых направлений повлияло на формирование особой системы принципов создания текста *литературного* путешествия, где описание мира давалось по определённым правилам в соответствии с культурной парадигмой той или иной эпохи.

Испытывая на себе влияние таких направлений литературы, как классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм, символизм, постмодернизм, эти тексты вместили тенденцию культурфилософских представлений своей эпохи. «Путе-

вой очерк — заманчивый жанр для писателя. Здесь нет окостенелых форм. Любое наблюдение в пути может стать первым звеном в цепи ассоциаций, уводящих, казалось бы, как угодно далеко от маршрута путешественника... Автор путевого очерка может в любое мгновение остановить естественный ход повествования, связанного с путешествием, передвижением, *создать площадку и построить* (курсив мой. — Ж. Б.) на ней <...> любое стройное сооружение, материалом для которого послужат воспоминания, аналогии, размышления» [7, с. 141], — писал в начале XX в. В. Канторович. Эти характерные особенности жанра дают возможность оценить путешествие как способ моделирования культурного пространства.

Так, например, в первой трети XIX в. В. Г. Белинский писал: «Мы ожидаем рассказов о том, что видел путник теперь, в наше время, пока еще свеж интерес, возбужденный у нас событиями текущих дней» [2, с. 8]. От путешественника ждали всестороннего исследования всех сфер жизнедеятельности цивилизованного человека, от природно-климатических условий до уровня образованности и просвещения изучаемого общества. Этим кругом проблем жанр литературного путешествия очерчивал своеобразное пространство культуры современности. Тенденция заключать литературные путевые впечатления общими рассуждениями о судьбах страны, народа, всего человечества, о нравственных и философских проблемах современности оставалась на протяжении всего XIX и начала XX вв. Требование философской рефлексии сказалось на публицистическом характере путевой прозы этого времени, который она сохраняет вплоть до сегодняшнего дня. На каждом этапе в эволюции путевой прозы мы находим отзвуки культурных событий эпохи, будь то переводы философских сочинений И. Канта в России (у Н. М. Карамзина), романтических идей о национальной независимости (у А. С. Пушкина), до появления мистического учения Р. Штайнера (у А. Белого). В рамках художественного направления эпохи действительность отражалась автором-путешественником в определённой стилистике. На разных этапах путевые дневники включали элементы исторической статистики, политических сведений, этнографических материалов, «физиологических» зарисовок (так, на страницах путешествий появляются психологически обобщённые национальные типы, такие, как парижанин — парижанка, испанец — испанка, англичанин — англичанка). Этот жанр переживает особого рода эволюцию культурных смыслов в общем историко-культурном процессе и становится не только литературным текстом, но и текстом (пространством) культуры.

В самой природе путевой прозы отражён «экзистенциальный опыт» человечества [4, с. 479]. Это не только опыт познания другой культуры, это, прежде всего, способ познания себя. Особую роль в этом экзистенциальном пространстве играет идея пути — одна из наиболее значимых, входящих в архитипичную систему взглядов, образующих ментальные установки и картину мира. Сакральное перемещение во времени и пространстве, традиционное для русской культуры создаёт семантическое и смысловое пространство путевой прозы, воплощает не только способ познания окружающего мира, но и жизненный путь самого автора. Понимание цели и конца пути чаще всего соотносится с высшими сакральными ценностями. Путь (движение) является «основным свойством, признаком жизни — и в философском,

семиотическом, историческом и во вполне обыденном, “переживаемом” человеческом смысле» [13, с. 14], — указывает Т. В. Цивьян. Путешествие расценивается его участниками как один из путей к собственному становлению.

Особенно ярко это проявляется в паломнической путевой прозе, образцом которой в XIX в. является «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьёва. Путь паломника олицетворяет сакральный выбор между ветхозаветным и современным ему мирами. Путешествие стало поворотным этапом его собственной жизни, отправной точкой на пути от «мирского к духовному». «Начну с той минуты, — писал Муравьёв, — когда <...> я решился ехать в Святую землю, ибо эта минута была самая решительная в моей жизни; в то же мгновение не рассуждал я ни о чем и как бы внезапно посвятил себя и данный мне талант священной цели своего странствия, без всякого мудрования или каких-нибудь видов. Щедрою рукою вознаградил меня Господь, ибо все, что я ни приобрел впоследствии, как в духовном, так и в вещественном, истекало для меня единственно из Иерусалима...» [9, с. 589]. Конечно, путевая проза Муравьёва — лишь один из примеров романтического представления о мире, в котором с особой остротой отразились проблемы взаимодействия культуры и истории, культуры и религии. Пристальное внимание к библейским сюжетам, археологическим памятникам древнего Востока, поиски особого восточного колорита — всё это лишь точки культурной модели мира для романтиков, к которым можно отнести и Муравьёва.

Другой ракурс романтизма — это «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» А. С. Пушкина. В его путешествии мы видим рождение нового взгляда на культуру. Идеи исторической миссии разных культур выходят на передовые позиции. Интерес к национальным культурам, народному творчеству, фольклору, русской провинции возникает не только в исследованиях учёных-этнографов, но и вообще в сознании русского образованного общества. В центре его внимания — понятия «просвещение народов», «варварство» и «дикость», «цивилизация», нашедшие своё место в литературных путешествиях Пушкина. Категория «просвещение народов» понимается Пушкиным не только как образование, но прежде всего как религиозное просвещение, «средство <...> более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия...» [10, с. 439], которому он придаёт огромное значение. Один из возможных путей просвещения он видит во внедрении культурных привычек; самовар и христианство — вот, по мнению писателя, возможный путь просвещения, движение на пути к культуре и цивилизации.

В светском путешествии мифологема пути формирует определённый стиль поведения путешественника. Уникальная ситуация путешествия была осмыслена ещё Н. М. Карамзиным (своего рода законодателем светского путешествия в послепетровской России), который сказал, что «ничто так не распространяет сферы идей, как путешествия <...> идея, рождающаяся среди открытых полей, получает какой-то характер великости, новости, до которого никогда не достигнет идея, происшедшая в мрачном кабинете» [8, с. 145]. Встречи с представителями другой культуры, достопримечательности образуют общую схему маршрута, служат ориентирами культурного пространства, создаваемого путешественником. Так, в «Письмах

русского путешественника» Карамзина мы видим знаковые встречи с ведущими представителями научного сообщества того времени Х. М. Виландом, Г. И. Гердером, И. Кантом, К. Ф. Морицом. В его путешествии мы можем увидеть отражение просветительских идей. Правда, сам термин «культура» автор-путешественник ещё не вводит в свой текст, однако такие эстетико-философские понятия, как «цивилизация», «просвещение», «натура», «дикость», отображают культурное пространство времени и сближают Карамзина с идеями Ж. М. Кондорсе. Известно, что Карамзин стал автором новых слов в русском лексиконе (первоначально появившихся именно в «Письмах русского путешественника»), среди которых такие слова, как «промышленность», «человечность», «гуманность». Эти понятия являются его авторским переосмыслением просветительских идей. Особую роль в письмах играет идея эволюции, человеческого прогресса, которую сам автор-путешественник видит в развитии общества по пути просвещения (от дикости к цивилизации). Но возможный путь просвещения видится путешественнику не в образовании «диких» народов, а в воспитании нравов и возвращении к естественным человеческим ценностям, здесь он близок к идеям Ж. Ж. Руссо. «Я с радостью отказался бы от многих удобностей жизни (которыми обязаны мы просвещению дней наших), чтобы возвратиться в первобытное состояние человека», — подчёркивает своё отношение Карамзин [8, с. 204]. Пасторальные мотивы в тексте «Писем...» и связанные с ними авторские категории, такие, как гражданин вселенной, дикарь, горожанин и провинциал, искусство жить, стали отражением традиций сентиментализма, но всё это можно рассматривать и как предтечу типологического исследования культуры. В рамках его путевого дневника впервые встают вопросы взаимодействия таких культурфилософских категорий, как культура и цивилизация, культура и природа.

Процесс культурфилософского осмысления разницы природы и культуры, цивилизации и культуры мы видим и в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”». Сама идея путешествия воспринята Гончаровым как «необходимое условие усовершенствованного воспитания», без которого невозможно образование и развитие человека [5, с. 47]. В сочинении Гончарова рисуется развёрнутая сопоставительная модель культур Востока и Запада, художественными образами которой выступают концепты сна и пробуждения. В его концепции задействованы типологические формулировки возрастных характеристик культуры: её детства, расцвета и старости, а также такие концепты культурологических воззрений, как «цивилизация», «просвещение», «образование». Характерно в данном случае внимание писателя ко множеству деталей, с помощью которых он пытается передать атмосферу эпохи или конкретной нации. «Как пережить эту другую жизнь, сделаться гражданином другого мира?» — пишет он в своих очерках [5, с. 15–16]. Он неоднозначно относится к завоеваниям цивилизации, как собственно и к самому термину: с одной стороны, цивилизация имеет явно положительное значение, даёт туземцам «удобства европейской жизни», с другой — её последствия оказываются губительны для местного населения, которое теряет гармоничную связь с родной природой и становится лишь поставщиком продуктов для Европы. Цивилизация, по мнению путешественника, «торжествует над природой» [5, с. 19]. Частота упо-

требления термина «цивилизация» в путевых очерках Гончарова свидетельствует не только о чрезвычайном распространении этого термина в России [6, с. 574], но прежде всего подтверждает осмысление этого термина самим автором.

Так, например, в противовес европейской цивилизации писатель противопоставляет свою Родину, которая типологически сопоставлена с понятием детства. Примером самобытной русской цивилизации автор считает Сибирь (воспринимаемую как культурный ареал), процветание которой возможно лишь при воздействии христианства, идущего из центральной России. Она, по мнению писателя, ещё только начинает по-настоящему осваивать просторы Сибири и должна воплотить собою идеальный тип культурного мира. Символически отражённая в образе корабля, преодолевающего границы миров, Россия несёт миру нравственную культуру. Особую специфику русского просвещения он видит в синтезе технического прогресса и религии. Путь прогресса — это путь последовательных реформ и планомерной и упорной деятельности сподвижников русской религии и культуры. В связи с этим акцентируется роль личности в историческом процессе. Не случайно таких людей Гончаров назвал Титанами. Сам образ путешественника соответствует образу культурного героя эпохи: «Я теперь живой, заезжий свидетель того *химически исторического процесса*, в котором пустыни превращаются в жилые места, дикари возводятся в чин человека, религия и цивилизация борются с дикостью и *вызывают к жизни спящие силы* (курсив мой. — Ж. Б.). Изменяется вид и форма самой почвы, смягчается стужа, из земли извлекается теплота и растительность — словом, творится то же, что творится, по словам Гумбольдта, с материками и островами посредством тайных сил природы» [5, с. 389].

Путешествие Гончарова как литературный текст, с одной стороны, соответствовало всем требованиям реализма как художественного направления эпохи, а с другой — здесь мы видим отражение культурно-исторического подхода, а также этнопсихологического изучения культур.

Задачи исследователя культуры в полной мере отражены в положении, выдвинутом Андреем Белым в его «Путевых заметках: Сицилия и Тунис. Ч. 1»: «Культуролог должен схватывать целое многообразие проявлений культуры; он должен и видеть и слышать в стремительных переплетениях линий культуры то целое, которое не отоляется в понятие о нем. Его типология культурных миров предвосхитила работы Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера. Потому-то подлинными философами культуры были те люди, в которых существовало сплетение редко сплетаемых линий: поэзии, философии, истории, этнографии; собственно и не было философов культуры в обычно понимаемом смысле» [3, с. 255]. На формирование его как теоретика культуры оказали влияние такие столь контрастирующие явления мировой культуры, как немецкая литература в лице И. В. Гёте, Г. Гейне, русская литература в лице Ф. М. Достоевского и Н. В. Гоголя, современная ему поэзия символизма, философия А. Шопенгауэра, в религиозном отношении на его мировоззрение повлияли мистические учения Е. П. Блаватской и Р. Штайнера. Философия Ф. Ницше и знакомство с В. Соловьёвым предопределили формирование культурологической символистской концепции Белого и создание новой универсальной науки, такой, как культурология.

Путевые заметки Белого представляют творчески сконструированную и осмысленную концепцию культуры, в которой немаловажную роль играет типология, выраженная в цветовой и звуковой рефлексии. Белый осознанно интерпретирует эту идею, пытаясь, на основе цветных лучей многообразных культур, разности их мелодики и ритмов, уловить глубочайшие противоречия современной культуры. Звуковой, интонационный рисунок играет в его путевой прозе решающую роль. Кроме того, ведущую роль в его концепции занимает противопоставление двух глубинных культур, определённых по конфессиональному принципу: христианства и ислама, — по мнению Белого определяющих историческое развитие. Путевые заметки представляют пространственную модель культуры с её горизонтальной и вертикальной составляющими.

В философии культуры проблема определения культурного пространства имеет длительную историю и связана с понятиями более глобальными, такими, как «пространство» и «время». Наряду со временем, пространство — одна из важнейших категорий культуры, определяющих её неповторимый облик, эти понятия являются важнейшими аспектами модели мира, необходимыми координатами в историческом исследовании культуры.

Эсхатологический характер культуры, мистические предзнаменования о её гибели и в связи с этим поиски её потаённого смысла, прообраза и основы нашли преломление в концепции А. Белого (сердце европейской культуры, по мнению поэта, находится в самом сердце Африки). Понятия «цивилизация», «просвещение» приобретают явно отрицательный характер, это связано с ощущением кризиса современной Белому европейской угасающей культуры, её деградации и упадка. Эти настроения особенно характерны для европейской части путевых писем А. Белого, им противопоставлена патриархальная культура арабов, их стиль жизни.

Тема кризиса европейской цивилизации гораздо раньше О. Шпенглера оформляется в путевых дневниках А. Белого. Стоит заметить, что «Закат Европы» Шпенглера выходит в свет в 1922 г., а «Путевой дневник» А. Белого — в 1918 г.

В основе культуры, по Белому, лежит подлинное умение жить, и потому только культура может быть подлинно углублённым знанием.

Само путешествие становится практическим методом исследования культуры, в рамках которого осуществляется реальное преодоление пространства, имеющего определённую устойчивость и стабильность. И именно на границе, на стыке двух пространств (а по М. М. Бахтину вся культура «расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее» [1, с. 25]), как раз и рождается понимание культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 505 с.
- 2 Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 9. 548 с.
- 3 Белый А. Путевые заметки: Сицилия и Тунис. М.; Берлин: Геликон, 1922. Т. 1. 310 с.
- 4 Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс, 1995. 480 с.
- 5 Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: в 2 ч. / под ред. Т. И. Орнатской; отв. ред. Д. В. Ознобишин. Л.: Наука, 1986. Т. 2. 879 с.

- 6 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Тип. Т. Рис, 1866. Т. 4. 626 с.
- 7 *Канторович В. Я.* Заметки писателя о современном очерке. М.: Сов. писатель, 1962. 371 с.
- 8 *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 716 с.
- 9 *Муравьев А. Н.* Мои воспоминания // Русское обозрение. 1895. Т. 33, № 5. С. 56–85.
- 10 *Пушкин А. С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1960. Т. 5. С. 412–462.
- 11 *Сугай Л. А.* Идея культуры и задачи культуролога в концепции Андрея Белого // Русская художественная культура первой трети XX века: Проблемы межвидовой поэтики: Мат. межвуз. науч.-теор. семинара «Теория и практика художественных направлений в русской культуре первой трети XX века» («Культурологические штудии». Вып. 2). Киров: ВПГУ, 2001. С. 8–17.
- 12 *Сугай Л. А.* Культурология русского символизма // Культура и творчество: Материалы конференции кафедры теории и истории культуры МГОПУ. М., 1996. С. 30–50.
- 13 *Цивьян Т. В.* Путь и движение в балканской модели мира. Исследование по структуре текста. М.: Индрик, 1999. 376 с.

* * *

Beresneva Zhanna Aleksandrovna,

Assistant Professor, Theory and History of Culture Department,

FSBI HPE «The State Academy of Slavic Culture»,

Khibinsky proezd 6, 129337 Moscow, Russian Federation

E-mail: zhanna-beresneva@yandex.ru

CULTURAL PHYLOSOPHICAL PROBLEMS IN THE GENRE OF THE RUSSIAN LITERARY TRAVELOGUE OF XVIII – BEGINNING OF XX cc.

Abstract: The article demonstrates Russian literary travels of the aforementioned period to have not only artistic and historical importance but to have contributed to Russian cultural philosophical heritage. Having analyzed historical and cultural problems of Russian literary travelogues at various stages, the author highlighted and characterized their cultural anthropological components. Classical works of this genre reflect a model of description of contemporary culture and show a process of cultural anthropology formation in Russia. By means of the analysis of the travel prose by Karamzin, Pushkin, Muraviov, Goncharov characteristic features of culture of that period are shown and contemporary cultural philosophical problems are interpreted. In literary travelogues categories of culture are mostly reflected as symbolic images which are interpreted by the author. The boundaries of the research are concluded by the travel notes by Andrey Bely because they form a special concept of culture with its typology expressed in color and sound reflection. Deep conflicts of contemporary culture stimulated his better comprehension of culture as such. His travel notes greatly contributed to the formation of theory of culture in Russia, which was taking place in the background of literary

searches. The Russian literary travelogue of XVIII – beginning of XX cc. reflects this specific feature. It became a laboratory to approbate contemporary historical, cultural and philosophical ideas and should be properly appreciated.

Keywords: the philosophy of culture, a literary travelogue, categories of culture, a cultural paradigm, civilization, Enlightenment, symbols of culture, culture model, cultural space, national characters, the East and the West, a culturerologist.

REFERENCES

- 1 Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Problems of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1975. 505 p.
- 2 Belinskii V. G. *Poln. sobr. soch.: v 13 t.* [The complete works in 13 vol.] Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1955. Vol. 9. 548 p.
- 3 Bely A. *Putevye zametki: Sitsiliia i Tunis* [Travel Notes: Sicily and Tunisia]. Moscow, Berlin, Gelikon Publ., 1922. Vol. 1. 310 p.
- 4 Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psikho-Logos* [National images of the world. Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow, Progress Publ., 1995. 480 p.
- 5 Goncharov I. A. *Fregat «Pallada»: Ocherki puteshestviia: v 2 ch.* [The Frigate «Pallada»: Travel essays: 2 parts], pod red. T. I. Ornatskoi; otv. red. D. V. Oznobishin. Leningrad, Nauka Publ., 1986. Vol. 2. 879 p.
- 6 Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of Russian language in 4 vol.] St. Petersburg, Moscow, Tip. T. Ris Publ., 1866. Vol. 4. 626 p.
- 7 Kantorovich V. Ia. *Zametki pisatel'ia o sovremennom ocherke* [Writer's notes on modern essay]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1962. 371 p.
- 8 Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 716 p.
- 9 Murav'ev A. N. *Moi vospominaniia* [My memories]. *Russkoe obozrenie* [Russian Review], 1895, vol. 33, no. 5, pp. 56–85.
- 10 Pushkin A. S. *Puteshestvie v Arzurum vo vremia pokhoda 1829 goda* [Journey to Erzurum during the campaign in 1829]. Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch. v 10 t.* [The complete works in 10 vol.] Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1960, vol. 5, pp. 412–462.
- 11 Sugay L. A. *Ideia kul'tury i zadachi kul'turologa v kontseptsii Andreia Belogo* [Idea of culture and the aims of a researcher of culture in the concept of Andrey Bely]. *Russkaia khudozhestvennaia kul'tura pervoi treti XX veka: Problemy mezhdovoi poetiki: Mat. mezhvuz. nauch.-teor. seminara «Teoriia i praktika khudozhestvennykh napravlenii v russkoi kul'ture pervoi treti XX veka»* («Kul'turologicheskie shtudii». Vyp. 2) [Russian art culture of the first third of the twentieth century: problems of interspecific poetics: documents of Intercollege research seminar «Theory and practice of artistic trends in Russian culture of the first third of the twentieth century» («The Cultural Studies». Vol. 2)]. Kirov, VPGU Publ., 2001, pp. 8–17.
- 12 Sugay L. A. *Kul'turologiya russkogo simvolizma* [Culturology of Russian Symbolism]. *Kul'tura i tvorchestvo: Materialy konferentsii kafedry teorii i istorii kul'tury MGOPU* [Culture and creativity: Proceedings of the Conference of Theory and History of Culture, MGOPU]. Moscow, 1996, pp. 30–50.
- 13 Tsivian T. V. *Put' i dvizhenie v balkanskoi modeli mira. Issledovanie po strukture teksta* [Path and movement in the Balkan model of the world. Study on the structure of the text]. Moscow, Indrik Publ., 1999. 376 p.